

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Сердцеед, или Тысяча
и одно наслаждение

Екатерина Гринева

**Сердцеед, или Тысяча
и одно наслаждение**

«ЭКСМО»

2011

Гринева Е.

Сердцеед, или Тысяча и одно наслаждение / Е. Гринева —
«Эксмо», 2011

Марго привыкла опекать подругу, вот и сейчас бросилась на помощь Динке, у которой пропал муж Михаил. Марго отправилась по найденному в его записной книжке адресу и попала... в клуб свингеров «Эдем», где пары обмениваются партнерами. От одной из сотрудниц она узнала: недавно в клубе при невыясненных обстоятельствах погибли три девушки. После разговора Марго пытались застрелить у собственного подъезда... Но что такого она узнала? Какое отношение ко всему этому имеет Михаил? И почему на пути Марго вновь возник Игорь, единственный мужчина, которого она когда-то любила, но потеряла?..

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Гринева

Сердцеед, или Тысяча и одно наслаждение

* * *

День был замечательным. Прямо по классике – «мороз и солнце – день чудесный!». Ярко-белый снег, от которого слепило в глазах, и солнце, пускавшее по квартире солнечные зайчики, – неплохое начало для последнего дня уходящего года.

Я вскочила с кровати и побежала в ванную. Утро начиналось с бодрящего душа, затем следовал завтрак – кофе, хрустящие тосты с тонким слоем масла. Много масла – вредно: холестерин, калории. В эпоху всеобщего помешательства на диетах есть масло было дурным вкусом. Все сидели на диетах и подсчитывали калории. А потом вставали на весы и записывали в блокнот собственные успехи и достижения на этом поприще.

Я не выпадала из общей массы и строго следила за своим весом. Каждый раз я думала, что похудеть на пару-тройку килограммов мне бы не помешало – фигура была бы еще стройней и ноги визуально бы удлинились. Но отказаться от сочного хорошо прожаренного мяса, булочек с заварным кремом и пиццы, которую я частенько заказывала на дом, я не могла.

Тосты пригорели. Но я любила и такие – с горелой корочкой, на которой масло мгновенно таяло и приобретало нежно-сливочный вкус, как у молочной пенки. Кофе был черным и крепким. Без сахара. Как я и любила.

Мне нравилось, что в моей жизни есть вот такие маленькие ритуалы, которые позволяют мне ощутить неизбежность жизни и устоявшийся порядок, который никто не мог нарушить без моего на то позволения.

Программа дня была напряженной.

В двенадцать у меня было запланировано деловое совещание в «Балчуг-Кемпински», следующим пунктом предновогодней программы значился вояж в магазин и выбор подарков.

Деловое совещание было назначено в самый последний момент. Я долго отнекивалась и убеждала начальника перенести на следующий год, на после каникул, когда мозги будут свежими, идеи – креативными, а вид – отдохнувшим.

– Вид у тебя и так что надо, – бесцеремонно осадил меня мой шеф Лазуткин Борис Иванович, Боб, как иногда звала я его про себя. Вопреки общему мнению, я не была его любовницей. Мы слишком ценили наши деловые отношения, чтобы принести их в жертву эфемерной рабочей интрижке, которая, как известно, в девяноста случаях из ста кончается увольнением и только в десяти – прочной любовной связью.

Нам это было ни к чему, и по взаимной негласной договоренности мы твердо придерживались установленных правил: наши отношения были в меру фривольными, в меру дружескими, но когда это было надо – Боб настаивал на своем, а я беспрекословно подчинялась, помня о том, кто из нас – начальник. А кто – подчиненный.

Я вспомнила и улыбнулась тому нетерпению, с которым мой шеф напутствовал меня.

– Ну, Марго, ты и сама все понимаешь, – сказал он. – Лакомый кусочек. Сотрудничество со швейцарцами в эпоху всеобщего кризиса капитала. – И он притворно закатил глаза. Мой шеф, лысый пузатенький мужчина, пятидесяти двух лет, с невероятным обаянием, которым он нещадно пользовался, любил иногда выражаться витиевато и туманно, особенно когда речь заходила о больших деньгах.

– Понимаю.

– Будь умницей, если что звони...

– Договорились.

Я вышла из его кабинета, предвкушая пару часов нудных переговоров с представителями швейцарских деловых кругов, а потом – свободу и новогодние хлопоты. Беготня по магазинам, приезд Вадика и долгая ночь с шампанским, телевизором и зажигательной музыкой.

С утра шел снег, сейчас он стих, и небо было серо-чистым, а настроение – радостно-победным. И это, наверное, все из-за Нового года. Почему-то в его преддверии меня охватывала непонятная эйфория, которая, как я знала, скоро улетучится.

Переговоры, как уже было сказано, проходили в «Балчуг-Кемпински».

Все мои движения были выверены до автоматизма – пропуск в бюро пропусков, сопровождающий от швейцарской делегации – высокий худой мужчина – посмотрел сначала на меня, потом в большой офисный блокнот, который держал в руках.

– Кравцова Маргарита Николаевна? – мужчина говорил с едва уловимым акцентом.

– Да, – сказала я низким голосом. Такой голос я всегда приберегала для деловых партнеров, любовников, с которыми собиралась расстаться, и для надоедливых соседей.

Он сделал какой-то росчерк в блокноте и улыбнулся хорошо заученной улыбкой.

– Прошу. Вас ждут.

Переговоры прошли так, как я и ожидала, – с туманными перспективами и пожеланием встретиться еще раз. Насколько я была в курсе, все наши партнеры улетели к себе домой – на Рождество, и только эти упрямые швейцарцы решили провести переговоры в последний день уходящего года.

Мы поднялись из-за круглого стола. Руководитель переговоров – мужчина лет сорока, в очках, высокий, чуть грузный, со спокойными серыми глазами – едва скользнул по мне взглядом, что невольно разозлило, раззадорило меня. Да как он смеет так смотреть – незаинтересованно, равнодушно – вспыхнуло красным маячком внутри. Впрочем, я быстро погасила этот порыв. Однако не замедлила послать ему самую обольстительную из своих улыбок и «сделать» томный взгляд. Так, самую малость, для «профилактики», как обычно говорила я сама себе. Просто меня задел его холодный взгляд и стало чуть-чуть обидно. На носу Новый год, хорошее настроение, а этот чурбан смотрит на меня так, словно перед ним полено, а не женщина.

И тогда в глубине этих спокойных, чуть сонных глаз что-то всколыхнулось и откликнулось. Рванулось навстречу мне. Вот так-то, самодовольно подумала я, знай наших. Я хотела напоследок ограничиться кивком головы, но он уже шел ко мне и протягивал руку. Переводчица выросла рядом. Рука Эрнста Кляйнца была теплой и мягкой. Он задержал мою руку в своей и сказал длинную фразу, отчетливо выговаривая слова.

– Он говорит, – равнодушно-споро стрекотала переводчица, дама неопределенного возраста с короткой стрижкой и в сером костюме: скучный пиджак, скрадывающий любой намек на фигуру и юбка на два пальца выше колен, – что поздравляет вас с наступающим Новым годом и желает счастья и побольше удачных сделок.

– Спасибо. – Я слегка наклонила голову набок. – Я тоже желаю господину Эрнсту Кляйнцу всяческих благ в Новом году и успешного бизнеса.

После обмена дежурными любезностями я кивнула и собиралась уже отойти, как переводчица повысила голос.

– Господин Кляйнц спрашивает: мог бы он пригласить вас на ланч пятого января?

– Возможно, – улыбнулась я.

Кто-то окликнул господина Кляйнца, и я, воспользовавшись этим, отошла в сторону. Переговоры были закончены, и все дела остались в старом году. А сейчас передо мной, как ровное снежное поле, расстилались оставшиеся залы последнего дня уходящего года. Я ощутила себя школьницей, вырвавшейся на свободу. Я обернулась и поймала на себе взгляд Кляйнца. Он смотрел на меня и одновременно разговаривал с кем-то по телефону. Он может еще задержать меня под каким-нибудь предлогом, подумала я, надо драпать отсюда, пока меня не остановили.

Я прибавила шаг и покинула зал переговоров. Внизу в холле я задержалась около зеркала и с удовольствием окинула себя взглядом. В зеркале отражалась стройная женщина двадцати девяти лет – яркая брюнетка с волосами, аккуратно зачесанными назад, в костюме лососевого цвета, на высоких шпильках; на шее – тоненькая золотая цепочка, в ушах – сережки с бриллиантовой россыпью.

Я взяла в гардеробе норковый полушубок и вышла на улицу. От свежего морозного воздуха у меня перехватило дыхание, и я резко выдохнула. Легкое туманное облачко повисло в воздухе и через пару секунд растаяло. Пискнул сотовый, я вытащила его из сумочки, скользнула пальцами по кнопкам. Эсмэска была от Вадика: «Ты где?»

Я ответила: «Еду в магазин, а потом – домой» – и заторопилась к стоянке.

Чувство было не из приятных: будто кто-то сверлил мне затылок, ни на секунду не выпуская меня из виду. Я пару раз резко обернулась: никого. Впрочем, в суматошной предпраздничной толпе было трудно вычислить кого-то подозрительного, кто бы мог следить за мной вот уже в течение последних часов. Или мне показалось?

Я бродила по магазину, покупая новогодние подарки, но чувство странной тревоги не проходило.

Звонок сотового отвлек меня от этих мыслей. Звонила Динка.

– Алло! – радостно прозвенел голос подруги.

– Да, – откашлялась я.

– Ты чего такая грустная?

– Нормальная.

– Ты не забыла, что мы тебя ждем.

Я промолчала. Динкина затея, чтобы я приехала к ней на Новый год, мне сразу показалась бредовой. Мало того, что ее муж Мишка недолюбливал меня, так мой бойфренд вряд ли согласится провести праздник в чужой семье с двумя заводными пацанятами. Я все это объяснила Динке, но она упрямо настаивала на своем – ей, видите ли, хотелось видеть меня в канун Нового года позарез, и поэтому нам пришлось найти компромиссный вариант. Я приезжаю к Динке и сижу у нее до десяти, потом еду к себе домой. Она неохотно согласилась.

– Ты могла бы уговорить Вадика отпраздновать Новый год с нами...

– Нет, – отрезала я. – Он на это не пойдет. Даже и не надейся. Упрашивать его я не стану. Так и знай.

– А могла бы.

– И не подумаю.

После легкой паузы Динка согласилась на мой приезд, но в ее голосе звучали нотки недовольства, на которые я решила не обращать никакого внимания. В конце концов, имею я права на личную жизнь или нет?

Я спешно накидала в сумку подарки Динкиным детишкам; выбрала Вадиду итальянскую сорочку и направилась к кассе – оплатить покупки. Тут я вспомнила, что ничего не купила Динке и снова пошла в зал.

Делать подарки ближним – всегда занятие сложное. Трудно угадать, что им нужно, а покупать ненужную вещь – бесплодная трата сил, времени и денег. Существовал еще один вариант – спросить о подарке напрямую и узнать о заветном желании из первых уст. Но в этом случае пропал некий загадочный флер, присущий слову «подарок».

Внезапно меня разобрало любопытство, и я пробежалась по магазину с одной-единственной целью: посмотреть, что покупают другие люди. Может быть, я одна мучаюсь над этим вопросом, а они четко представляют себе, какими должны быть новогодние подарки, и своими покупками подскажут мне, что подарить Динке.

Мучалась я так каждый год, но сегодня – особенно. На ум ничего не приходило.

Я оглядела людей вокруг меня. Они мне напоминали особую касту жрецов, объединенных одной общей целью.

Каждый покупал – свое. Вот девушка с белым мобильным, плотно прижатым к уху, щебечет насчет «Васеньки», что она ему хочет подарить нечто «прикольно-клевое». Другая женщина с трехлетним карапузом рассматривает коробку с игрой: на обложке нарисованы солдатики и танки. Молодой мужчина с холеной бородкой вертит в руках вазу из темно-красного стекла, две тетеньки кладут в корзинку для покупателей одинаковые постельные комплекты – ярко-синие цветы на белом фоне. Я вздохнула: похоже, особой фантазией люди не отличаются, и мне нужно думать самой, что подарить подруге.

Покупать одежду – намекать на Динкины проблемы с финансами, духи... подруга сто лет не пользовалась духами. Да я и не знала Динкиных вкусов. И что ей подарить? Динке, вечно стоявшей у плиты, образцовой матери-хозяйке, я решила подарить новый набор кастрюль. Подарок, что называется, в тему.

Я невольно обернулась: мне показалось, что кто-то пристально рассматривает меня. Но похоже, это были мои глюки... Сворачивая с тележкой к кассе, я чуть не налетела на высокого худого человека.

– Простите! – машинально бросила я.

– Ничего, – пробормотал он. – Все в порядке.

Я расплатилась и вышла на улицу.

Этот Новый год обещал быть самым лучшим, и я твердо была уверена в том, что так и будет.

Вадик, мой последний бойфренд, обещал приготовить мне сногшибательный сюрприз, и я дала ему слово не приступать с расспросами раньше времени, хотя меня одолевало вполне простительное женское любопытство. С Вадиком я была знакома около полугода; он был мил, симпатичен и хорошо воспитан. На этом список его достоинств исчерпывался.

Он был страшный педант, зануда и у него было туговато с чувством юмора. Но я устала от всех своих прежних бойфрендов – грубовато-бесшабашных хамов, с великолепным чувством юмора и полным отсутствием всяких обязательств. Милый, воспитанный Вадик был тем, что мне сейчас было нужно позарез. Вадик – уютный, как мой старый плюшевый мишка – привет из детства, – который сейчас валялся в кресле, смотря на меня своими разноцветными глазами-пуговицами. Одна была черной, а другая – зеленой.

Мобильный звонил в сумке. По мелодии «Спят усталые игрушки» я поняла, что звонит маман, и размышляла: брать или не брать телефон.

После того, как отец ушел от нас к молоденькой секретарше – я тогда ходила в девятый класс, – мою мать как подменили. Она выкрасилась в ярко-рыжий цвет, стала много курить, красить губы алой помадой и чересчур громко смеяться. Всех женщин она называла «милочками», мужчин «лапулями», а меня – «золотцем». В углах шкафа она прятала пузатые бутылки с ликерами и коньяком. Маман любила выпить рюмочку перед сном, всплакнуть и пожаловаться на жизнь. Днем она работала – правда, ни на одном месте особо долго не задерживалась, – а вечером смотрела бесконечные сериалы. Она неожиданно вспомнила о своих старых подругах и одноклассницах и часами висела на телефоне, вспоминая «старые добрые времена» и жалуясь на «скотское настоящее».

Когда я поступила в институт, мы разменяли квартиру: я оказалась в однокомнатной на Тимирязевской, а мать – в Кузьминках.

Учась в институте, я подрабатывала то официанткой в кафе, то уборщицей в маленьких офисах. Мать к тому времени стала работать все меньше и меньше; когда я после института устроилась на постоянную работу, она вовсе осела дома как заправская домохозяйка. При этом я полностью содержала ее, работая за двоих. Она всегда звонила мне перед праздниками, нале-

гая на свое бедственное материальное положение и тем самым выключивала дополнительные подношения.

Я нажала на кнопку соединения.

– Золотце, – прошуршал-прошелестел голос матери. – Ты не забыла обо мне?

– Добрый день, мама! – повысила я голос. – Как ты себя чувствуешь?

– Как я могу себя чувствовать! – мать мгновенно въехала в привычную колею. – То давление, то сердце. Ты приедешь ко мне? У меня уже пустой холодильник и лекарства кончились. И ни копейки нет.

– Я тебе давала в прошлом месяце. Приличные деньги.

– Золотце! Разве это деньги, – голос то удалялся, то приближался, словно мы находились в театре, и мать временами подходила к рампе, а потом удалялась в глубь сцены. – Вот и Олимпиада Петровна говорит, что дочка могла бы давать и побольше. – Олимпиада Петровна была соседкой моей мамы – вредная, сухая, как лист из гербария, старушенция, когда-то работавшая в Министерстве печати.

– Я не знаю, что говорит Олимпиада Петровна. Деньги были вполне приличные. Если только не тратить их на коньяк, дорогие сигареты и черную икру.

– Ах, золотце...

Я почувствовала глубокое раздражение и усталость.

– Ладно. Я приеду и привезу тебе продукты и деньги. На днях.

И дала отбой.

Не успела я сесть в машину, позвонил Вадик.

– Алло! – я открывала дверцу, прижимая телефон к уху.

– Это я. – Голос Вадика звучал очень тихо.

– Ты на шпионском задании? Так тихо говоришь! Ты на работе?

– Да. То есть нет.

– Уже отметили Новый год на корпоративной вечеринке? Забыл, где находишься? – рассмеялась я.

– Не забыл. – Голос звучал виновато.

– Слушай, я сейчас еду домой. И жду тебя.

– Я... я не приеду.

– Не поняла. – Я переложила трубку к другому уху. – Вадик! Ты меня слышишь?

– Слышу! Мама попросила меня присутствовать в гостях у родственников. Я говорил ей о тебе, но она... плохо себя чувствует, и я не могу ее волновать. Понимаешь, ее сердце... – И Вадик замолчал.

Слова застряли где-то посередине горла, и я судорожно сглотнула.

– Я правильно тебе понимаю: ты не приедешь ко мне на Новый год, и наши планы летят ко всем собачьим чертям? Ты будешь встречать Новый год с мамой, а я в одиночестве?

Больше всего на свете в тот момент мне хотелось услышать, что я ошиблась и что наши планы остаются в силе. Но я услышала совершенно противоположное тому, что хотела.

– В общем – да. Но я приеду завтра... – Я нажала на отбой, чувствуя, как злые непрошенные слезы выступают на глазах. Прислонившись к дверце машины, я закрыла рот рукой. Мне хотелось кричать, ругаться и рыдать во весь голос. Мир, который еще несколько минут назад был ярким, переливающимся всеми цветами радуги, как гирлянда на новогодней елке, безнадежно потух. И я ничего не могла с этим поделать.

Я ощущала себя полностью обессиленной, как перегоревший мотор; хотелось куда-то спрятаться, зарыться и переждать эту минуту.

Конечно, я переживала не из-за Вадика. Нет, я переживала из-за очередного тревожного звонка, который сигнализировал мне, что я опять ошиблась, не рассчитала свои силы и с размаха угодила в канаву, без всякой надежды выбраться оттуда в ближайшее время.

А я-то еще всерьез рассчитывала на Вадика...

Мне нравилось в нем все: застенчивость, внимание и нежность.

И я не обращала внимания на... бесхарактерность, слюнтяйство и полное подчинение мамаше, которая вила из него веревки...

Я стукнула кулачком по машине и поправила шарфик, который в эту минуту показался мне удавкой.

– Маргарита! – услышала я где-то рядом.

Я повернула голову.

Это был он, бодро-жизнерадостный Эрнст Кляйнц, гражданин Швейцарии, у которого по определению не могло быть никаких проблем. Все четко расписано, и все заранее распланировано. У гражданина Кляйнца не было испорченных праздников и неожиданных предательств. У него все было карамельно-правильно, глянцево-блестяще, как на рождественских открытках с неизменным краснощеким Санта-Клаусом, мешком подарков и елочкой с золотыми шарами.

– Все в порядке? – прокричал он, сложив руки рупором. Я даже не знала, что он говорит по-русски.

– О'кей, – мотнула я головой. – Все о'кей.

Он смотрел на меня, словно сомневался в моих словах. Я нахмурилась. Не хватало только, чтобы швейцарец бросился меня утешать. Интересно, как он сюда попал? Ехал за мной, что ли? Или просто свернул по пути: этот крупный супермаркет находился недалеко от гостиницы, где проходили переговоры.

Я рванула дверцу на себя. В салоне слабо пахло духами – мой запах. Я села за руль и посмотрела прямо перед собой. Эрнст Кляйнц по-прежнему смотрел в мою сторону, и я с силой дернула рычаг передач на себя. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии – потерянной и полностью деморализованной, как будто мне дали изо всех сил поддых, и теперь я судорожно пытаюсь прийти в себя.

Я выехала со стоянки и направилась к себе домой. Ехала я медленно, аккуратно, стараясь сосредоточиться на дороге, но непрошенные мысли так и лезли в голову помимо моей воли. Похоже, эта ситуация меня здорово зацепила. Гораздо сильнее, чем я думала вначале.

Я думала, что Вадик будет моей тихой гаванью, где я в конце концов благополучно поставлю на якорь свой крейсер. Да, Вадик был привязан к своей мамаше, но я думала, что справлюсь и с этим препятствием в наших отношениях.

Оказалось, думала я так зря.

Злость, досада, раздражение были так велики, что мне хотелось разогнаться и лихой ездой поднять свое плохое настроение. Звонок мобильного застал меня, когда я стояла в пробке.

– Слушай! – голос подруги был чуть виноватым. – Ты не могла бы купить мне елку?

– Елку? Ты же говорила, что купила ее.

– Да. Но Сеня уже успел эту елку опрокинуть. Хорошо, что никто не пострадал, только внизу – две самые крупные ветки обломались и макушка, теперь дерево выглядит как обструганное полено. Если тебе, конечно, не трудно. И по пути. Ну так что? Купишь? Рита, будь человеком, – в голосе подруги послышались слезливые интонации. – Мне же мои шустряки все нервы измотают, если у них елки не будет.

Елка была, «конечно, не по пути». Но отказывать подруге не хотелось, для ее пацанов Новый год обязательно должен быть с елкой – пушистой, остро-колючей, с густым хвойным запахом, от которого кружится голова, – неизменно блестящими шарами и разноцветными, похожими на туго заплетенные косы, гирляндами. Динка уже вовсю готовится к празднику и стряпает новогодний ужин – вырваться из дома ей трудно. Это я – птица перелетная,

ником и ничем не связанная – мне заехать на елочный базар ничего не стоит, тем более, раз подруга просит меня об этом.

И купить там лучшую елку.

Для Динкиных детей.

– Не трудно. Заскочу на елочный базар и куплю.

– Он, кстати, недалеко от моего дома. Не доезжая супермаркета.

– Ясненько. Пока. Будем на связи.

Я сглотнула. Неприятный тягучий осадок от разговора с Вадиком не проходил. Какая-то часть моего сознания не допускала мысли, что я буду на Новый год одна, в то время как вся страна будет чокается бокалами с шампанским, налегать на салат «Оливье» и дружно веселиться. Это было ужасно несправедливо и неправильно, и поэтому я упорно цеплялась за каждое мгновение настоящего, оттягивая тот момент, который наступит перед самым боем курантов. Тот кошмар, который настигнет меня в те минуты, когда часы пробьют двенадцать и я как Золушка превращусь из принцессы в замарашку, то есть из удачливой бизнесвумен в одинокую несчастную женщину. И этот момент был не за горами.

Разговорчивый парень на елочном базаре все пытался всучить мне заваливающую елку: то с кривой макушкой, то с голым боком, то со сломанными ветками. Наконец, мое терпение лопнуло.

– Ты торгуйся на своем базаре в Караганде, – сказала я. – А мне дай самое лучшее дерево. А то скажу твоему начальнику, что ты плохо работаешь.

Упоминание о начальнике оказало магическое действие, продавец засуетился и сказал, что сейчас найдет самую лучшую елочку, сию минуту. Копался он недолго и наконец вынес мне пушистую красавицу с лохматыми ветками, равномерно торчащими в разные стороны. Просто загляденье, а не елка.

С этой елкой я ввалилась в Динкину квартиру.

– Привет! – бросила мне подруга, втягивая меня в коридор. – Какая красавица!

– Мишка дома?

– Нет. – И Динка энергично тряханула головой. – У них корпоративная вечеринка. Но к девяти, максимум к десяти он будет дома.

– А дети?

– Вот-вот придут.

– Бери елку, – сказала я. – А то я с ней в обнимку стою.

Динка взяла елку и поволокла ее в комнату.

– Времени в обрез, – протараторила она. – Еще пирог не готов. Салаты я сделала. А пирог – нет.

– Чем тебе помочь? – спросила я, выходя из ванной, где мыла руки. Я твердо решила ничего не говорить Динке о своих неприятностях, о том, что Вадик не будет встречать Новый год со мной. – Давай пожарю мясо.

– Маргоша! Это было бы супер, – извиняющимся тоном сказала подруга. – Я, к сожалению, не успела... и Данька с Сеней.

– Ты лучше не извиняйся, а мясо достань. А то мы к Новому году не поспеем.

Динка достала из холодильника сочный кусок мяса и положила его на разделочную доску.

– Вот. Где приправы, ты знаешь.

– Естественно!

Я успела только пару раз взмахнуть молотком над мясом, чтобы его хорошенько отбить, как раздался звонок в дверь.

Через пару минут я услышала голоса Динкиных сыновей – десятилетнего Дани и пятилетнего Сени. Они сразу ринулись ко мне на кухню.

– Рита! – И с громкими воплями оба повисли на мне.

– У меня руки в мясе. И мокрые, – притворно-недовольным тоном сказала я. – Будете себя хорошо вести, получите подарки.

– А сейчас. Я хочу сейчас. – Пятилетний белобрысый Сеня смотрел на меня Динкиными блестящими черными глазами и пошмыгивал носом. – Долго ждать. – добавил он.

– Сначала нос утри, – щелкнула я его по носу. – А потом подарки клянчи.

– Простыл два дня назад. Потерял в детском саду шарф и не сказал об этом воспитательнице. Так и ходил остаток прогулки без шарфа. Большой мальчик, а ведет себя как маленький.

– Бо-о-льшой, – протянул он. – Пода-ло-о-к хочу, – заканючил он.

– Подарки будут завтра. И от меня, и от мамы, и от папы, и от Деда Мороза. Мешок подарков.

Сеня был бы точной копией Мишки, если бы не Динкины глаза. Да и характером он пошел в ее второго мужа – настырного и наглого.

– А ты? – я обратилась к Дане. – Тоже хочешь получить подарки сразу и немедленно?

Данька молчал, не сводя с меня пронзительного взгляда темных глаз. Он был похож на первого мужа Динки – ее большую любовь – Игоря, и своим взглядом он смутил меня.

– Я подожду, – он откашлялся. – Потерплю.

Есть мальчишки, которые уже рождаются мужчинами. Данька был из этой породы. Он никогда не жаловался, стойчески терпел боль и всегда был готов прийти на помощь, если его об этом попросят.

– Молодец, – похвалила я и, не удержавшись, потрепала его по волосам. Он отошел в сторону, сердито мотнув головой.

– Идите отсюда, – напустилась на них Динка. – Брысь. А то только под ногами путаетесь и мешаете ужин готовить.

– Мама, конечно, не права, – подмигнула я мальчишкам. – Но ее лучше не сердить. Первым повернулся ко мне спиной Данька. Сеня, потоптавшись пару минут, вышел, обиженно сопя носом.

– Сейчас, наверное, Михаил уже придет.

– Да. – А я тогда пойду...

– Ни за что. Проведи этот Новый год с нами. Попроси Вадика приехать к нам. Прошу тебя.

Я мотнула головой.

– Не уговаривай. Давай лучше возьмемся дружно за ужин. Чтобы твои мужики были довольны.

– Блин! – Динка хлопнула себя по лбу. – Забыла кокосовую стружку в магазине купить. Без нее пирог не получится.

– И что теперь?

– Побегу в магазин.

Хлопнула дверь, и в квартире воцарилась тишина. Я прислушалась: в комнате мальчишек работал телевизор. Где-то совсем рядом орала музыка. Я отбила мясо, посыпала его сыром и поставила в духовку.

Мои руки были в тесте, я занималась приготовлением пирога, когда раздался телефонный звонок. Я думала, что мальчишки услышат его и возьмут трубку, но они были слишком заняты мультиками, поэтому, чертыхаясь, я понеслась в коридор, боясь не успеть. Схватила трубку.

– Аллю!

На том конце была тишина.

– Аллю! – повторила я уже громче.

И снова – ни звука.

– Если вы полный мудака и вам больше нечем заняться накануне Нового года... – Но неизвестный уже дал отбой.

Я почему-то подумала, что это был Мишка. И по каким-то причинам не захотел говорить со мной. Динкин муж меня всегда недолюбливал. Он считал меня слишком яркой, независимой и самостоятельной. И боялся, что я буду отрицательно влиять на его жену. Боялся он не зря, потому что при каждом удобном случае я говорила Динке, что ей нельзя постоянно уступать этому козлу и нужно быть с ним построже, настаивать на своем, иначе он возьмет окончательный верх над ней и будет диктовать свою волю. На словах Динка со мной соглашалась, но на деле она жутко боялась конфликтов, и ей было легче уступить, чем настоять на своем. Я часто с грустью думала, что вряд ли веселая смешливая Динка, какой я ее помню в студенческие годы, представляла, во что она превратится через десять лет – в замученную бытом домохозяйку с двумя детьми и ленивым мужем, который так и норовит спихнуть всю ответственность на жену, предпочитая на выходные улизнуть из дома к приятелям или на рыбалку. Мишка увлекался всеми видами рыбалок, в том числе и подледным ловом, лишь бы не сидеть дома с женой и детьми.

– Слушай! – часто говорила Динка, наморщив лоб. – Вроде бы я замужем, но за каждым пустяком приходится бежать в ДЭЗ. У Мишки явно руки не из того места растут, даже карниз толком прибить не может.

– Не из того, – соглашалась я.

– И что делать?

– Смириться и бежать в ДЭЗ или... искать другого мужа, – однажды пошутила я и пожалела об этом. Лицо подружки исказила страдальческая гримаса.

– После разрыва с Игорем... я... не...

– Все! – накрыла я ее руку своей. – Прости. Я надавила на твое больное место. Я просто настоящая свинья. Больше не буду. Прости, если сможешь.

– Ладно, – Динка высморкалась в платок, который достала из кармана халата. – Это я чего-то раскисла не к месту. Мир!

– Мир!

С тех пор я больше не заговаривала на эту тему и никогда не упоминала об Игоре – он был вычеркнут из нашего разговора, как покойник, о котором говорят или хорошее, или ничего.

Хорошего об Игоре сказать было нечего, поэтому мы молчали, как будто бы такого мужчины никогда и не было в нашей жизни. Ни в моей, ни в Динкиной. Так было проще и удобней.

Я положила трубку и, пройдя по коридору несколько шагов, открыла дверь в детскую комнату.

– Эй, суслики! – крикнула я. – Чего трубку не берете?

Сеня повернул голову ко мне.

– Я не слыша-а-ал! – протянул он. – Плавда, Дань?

Данька в ответ лишь хмуро мотнул головой, что можно было расценить и как подтверждение этих слов, и как «отлепись».

– Ладно. Врать нехорошо.

– А я не влу.

Но я уже закрыла дверь.

Через пять минут в квартиру влетела Динка.

– Все купила! – сказала она с сияющим видом.

– Отлично!

– Мишка не звонил?

– Звонил мистер икс и молчал в трубку. Может, это был Мишка?

– Да? – Динка воспряла. – Точно это он!

– А почему он тогда не захотел со мной разговаривать? – ехидно поддела я подружку.

– Но ты же знаешь, что Мишка... – И она замолчала.

– Относится ко мне без большой и пламенной любви? Тоже мне секрет. Я давно об этом знаю. С самого начала. Твой муж с радостью бы рассорил нас. Он считает, что я даю тебе дурные советы. Это просто на его физии написано. Он меня просто видеть не может. Недавно я с ним столкнулась на проспекте Мира, он выходил из кафе с каким-то мужиком, так он весь даже передернулся, увидев меня, поздоровался сквозь зубы и все. Где он, кстати, ходит?

– У него корпоративная вечеринка, – скороговоркой сказала она. – Я тебе уже говорила об этом. А потом он обещал со всех ног домой.

Я хотела сказать, что «наверное, у него где-то ноги застряли, а он не торопится их выдернуть», но решила попридержать язык ради подруги. Она – девушка нежная и чувствительная. И обижать ее ни в коем случае не стоит.

Я перевела взгляд на часы. До Нового года оставалось два часа.

– Все успеем сделать?

– А что там?

– Еще пара салатов по списку. Думаю – выдюжим.

– Конечно, выдюжим.

– А потом я поеду домой, – твердо сказала я. – Я хочу встретить Новый год с Вадиком.

Этот Новый год я запомню надолго. Я мертвецки напилась и принялась пускать петарды с балкона, потом накинула норковый полушубок и спустилась вниз с петардами и бутылкой шампанского в руке. Во дворе моего дома я продолжила запускать петарды, откупорила бутылку шампанского и принялась громко петь, подпрыгивая и размахивая руками. При этом я умудрилась задеть чей-то «Форд», который не замедлил взречь оглушительной сигнализацией. К тому же в разгаре собственного веселья я нечаянно не то локтем, не то бутылкой разбила стекло машины: оно мгновенно покрылось паутиной трещин.

Но я ничего не замечала и продолжала петь «Раскинулось море широко». Короче, кто-то из тех, кого обеспокоили мои крики и рев машины, вызвал милицию, стражи порядка приехали и увезли меня в отделение. Я проспала в обезьяннике до утра. Проснувшись, как водится, ничего не помнила. Хуже всего было то, что вместо полушубка из бархатно-серой норки я обнаружила себя в кроличьей кацавейке. При этом в милиции уверяли, что именно в этом меня забрали с улицы.

– Я в таком вообще не хожу, – обиделась я. – За кого вы меня принимаете?

– А за кого я вас должен принимать? – делано удивился майор милиции Старков Виктор Александрович. – Вы... – он заглянул в бумаги, лежащие перед ним на столе. – Гражданка Кравцова Маргарита Николаевна. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Но полушубок не мой.

– Вы попытались взломать и угнать машину, принадлежащую гражданину Аветесяну Машуку Аслановичу. Было дело?

Я рассмеялась.

– Что за бред?

– Какой бред! – и Старков потряс бумагами передо мной. – Вот подписи свидетелей. А вы тут о каком-то полушубке толкуете? Вам уголовное дело светит.

Я закусила губу.

– Понятно, – выдавила я.

Поладили мы миром. Старков отпустил меня. Машук Асланович, которого я и в глаза не видела, обещал забрать свое заявление вместе с подписями свидетелей. А полушубок мой где-то сгинул, и вопрос о нем, как я поняла, поднимать даже и не стоило.

Дома я разразилась злыми бессильными слезами. Динка сразу приехала меня утешать.

– Я не могу-у так! – рыдала я. – Надо мной издевается даже какой-то паршивый мент.

– Ты сама говорила, что он – майор.

– Ага! Мент паршивый.

– Зачем ты связалась с этим кавказцем? Да еще пыталась угнать у него машину.

– Дура ты! – рассердилась я. – Не связывалась я с ним. Просто случайно задела этот паршивый «Форд», и у него сработала сирена. Вот и все. Понятно? А он уже собирался против меня дело возбуждать.

– Радуйся, что так дешево отделалась.

– Полушубок мой стибрили. Придется теперь в старом ходить из рыжей лисы. Он уже порядком поношенный.

– купишь новый.

– Мне этот был дорог.

– А жизнь и свобода тебе не дороги?

– Ну ты загнула.

– Ничуть! Не знаешь, как у нас все делается.

– Не знаю, – огрызнулась я.

– Тогда живи – и радуйся. Хочешь, приезжай к нам. У нас весело. Мишка уехал к отчиму и матери. Дети сидят в комнате. Телик смотрят. Я одна.

– Весело, потому что Мишки нет?

– Не остри! – осадил меня подруга. – Все лучше, чем сидеть и реветь пьяными слезами.

– Оставьте все меня в покое, – завопила я. – Дайте провести человеку новогодние праздники так, как он хочет.

– Не приедешь?

– Нет, – отрезала я. – Не приеду.

– Жаль!

Я пожала плечами и выдавила кривую улыбку. Динка уехала, а мне стало в сто раз хуже. Получается, я наказала саму себя. Надо было поехать и побыть у нее, повозиться с Сенькой и Даней. Детишки бы меня успокоили, отвлекли от собственных проблем. Так нет, я разозлилась на Динку, а сделала плохо себе.

В таких терзаниях-метаниях я провела два часа, бесцельно слоняясь по квартире, хватаясь временами за пульт телевизора и беспорядочно прыгая с канала на канал. К вечеру я решила поехать развеяться в какой-нибудь клуб, чтобы только не провести праздничную ночь в одиночестве. Я быстренько накрасилась, оделась и припарковалась у первого клуба, который попался мне на глаза. Там стоял шум, гвалт, была тьма народу – то есть это было то, что мне в данный момент и требовалось. Вскоре ко мне приклеился один парень лет двадцати семи, ничего особенного, с суетливыми манерами и плоскими шутками, которые он вставлял к месту и ни к месту. Он подсел ко мне за столик и заказал бутылку шампанского, несмотря на то что я осушала уже второй бокал вина.

– Выпьем?

Я присмотрелась к нему. Если убрать жидкие волосы, к тому же не мытые, кривую ухмылку и тонкие губы, для связи на один раз он мог вполне сойти.

– Не против! – махнула я рукой.

– Мерси.

После того как мы осушили бутылку, он напросился в гости, напирая на то, что в новогодние праздники обычно случаются романтические встречи и страстные свидания.

В нем романтичности было столько же, сколько в убийце – доброты, но я не стала возражать, потому что внезапно решила, что легкое приключение – это то, что мне жизненно необходимо, чтобы развеяться и встряхнуться, чтобы забыть предательство Вадика и новогоднюю ночь, проведенную в кутузке.

Степан, как звали моего нового знакомого, в машине продолжал разыгрывать из себя остроумного весельчака, хотя мне хотелось сказать ему: «Эй, парень, пожалуйста, заткнись и дай мне спокойно вести машину».

И все закончилось настоящим кошмаром.

От выпитого вина, возбуждения и желания показать себя крутым мачо Степан полностью оконфузился. Я лежала в постели, натянув простыню почти под подбородок, и молчала. Он лежал рядом и смотрел в потолок.

– Дай сигареты, они лежат на тумбочке, пепельница – там же, – сказала я, даже не повернувшись к нему. Он кинул мне сигареты, и я закурила.

– Ты, наверное, думаешь... – начал он.

– Заткнись! – рявкнула я. – Я ничего не думаю. Мне только думать сейчас не хватало.

Он тоненько захихикал, а потом захлебнулся кашлем.

– Иди в ванную или на кухню. Выпей воды.

– Обойдись без твоих советов.

– А мне кажется, советы тебе бы не помешали.

Он развернулся и расчетливым движением ударил меня по щеке: больно, с силой. Я охнула и приподнялась в постели.

– Выметайся, улюбок, из моей квартиры! Быстро! А то я за себя не ручаюсь.

Он накинулся на меня с кулаками. И здесь лютая шальная ярость ударила мне в голову. Я схватила торшер, стоявший у кровати, и с силой заехала ему в грудь. Он свалился на пол, и тут я нанесла ему второй удар по голове. Несильный, но такой, чтобы он понял: со мной шутки плохи и лучше не связываться, а сделать так, как я сказала, то есть унести ноги под добру-здорову. И чем скорее, тем лучше.

Но он лежал без движения, и я на какую-то долю секунды испугалась, что переусердствовала и забила парня до смерти. Но тут он слабо шевельнулся и что-то пробормотал, и я вздохнула с облегчением. Теперь мне нужно было вытащить его из моей квартиры, не дожидаясь, когда он придет в чувство и будет готов к новым подвигам. Одной тащить такую тушу мне было явно не под силу, и я решила попросить о помощи соседа, пенсионера шестидесяти восьми лет – бывшего преподавателя русского языка и литературы. Семь лет назад его жена Тамара, которая была моложе Егорыча лет на десять, завела себе любовника – полковника в отставке и уехала к нему в Архангельск. С тех пор Егорыч жил один и пил горькую, нигде не работая. Я молила только о том, чтобы он был дома и был трезв. Два взаимоисключающих желания. Но мне повезло. Наверное, моя удача – двуликая богиня – решила повернуться ко мне светлым ликом.

Он находился в своей квартире и встретил меня громким возгласом.

– С Новым годом, прекрасная Маргарита! – взмахнул он рукой. – С новым счастьем!

– Взаимно, Егорыч. У меня счастье сейчас перед кроватью валяется, не сможешь мне его на улицу вытащить?

– Ты о чем? – не понял он.

– Мужик один в отключке лежит. А когда он очухается, мне с ним разбираться недосуг. Была бы премного благодарна за помощь.

– О чем речь. Сей момент.

Увидев Степана на коврике, Егорыч покачал головой.

– Эдак мужика уездила. Ты хоть бы о нем подумала, а не о своих утехх, Маргарита. Ты такая же ненасытная и невоздержанная, как твоя тезка Маргарита Наваррская.

– Егорыч, ты мне бодягу не гони. Тут не об утехх речь, а о том, что он ко мне с кулаками полез. А мне пришлось его торшером приложить. Усек?

– С женщиной драться, конечно, нехорошо.

– Вот и я о том. Слава богу, ты меня понял. Теперь одень его; мне до него и дотрагиваться-то противно, бери его за руки, а я за ноги и понесли вниз. Хорошо, если нас никто не увидит, а то подумают, что мы труп несем.

Кое-как мы спустили Степана вниз, я залезла к нему в бумажник; нашла записную книжку с адресом; поймала машину и объяснила, куда его надо доставить. И предупредила, что если водитель отвезет его не по назначению, у него будут большие неприятности, потому что номер его машины я записала.

Для большей убедительности Егорыч достал засаленную квитанцию из треников с пузырями на коленях и огрызком карандаша записал номер.

Когда машина отъехала, он подмигнул мне.

– Может, дашь, Марго, на водочку? А? Я тебе подсобил, выручи и ты меня. По-свойски, по-соседски.

– Сопьешься ты окончательно, Егорыч, лучше давай я тебе колбасу или курицу куплю. Жрать дома, наверное, нечего. В холодильнике шаром покати.

– Нечего, – согласился он. – Но какой праздник без спиртного, Марго? Тем более Новый год. Вроде и не человек я, а сплошное недоразумение. Даже выпить не могу. Непорядок.

– Ладно, – решила я. – Давай так. Я выплюсь и приготовлю праздничный ужин, и ты давай ко мне. Хотя бы второе января по-человечески встретим.

– А как... там... – замялся он.

– Да будет тебе бутылка, Егорыч, будет. Не волнуйся.

– Тогда я – мигом, – обрадовался он. – Ты только звякни и в дверь постучи, и я к тебе сразу заявлюсь. Не беспокойся.

– Только не спи.

– Постараюсь.

Я проснулась в два часа дня; быстренько приготовила курицу в фольге, сделала салат «Оливье» и порезала остатки копченой колбасы, выложив ее красивыми кружочками на тарелку.

Был еще полузасохший сыр, который тоже пошел в дело, и картошка фри, разогретая в духовке.

Егорыч явился в праздничном костюме, от него несло одеколоном «Шипр», очевидно, сохранившимся с советских времен, и с чахлой елочкой с двумя поломанными внизу ветками.

– С праздником, Марго! Бери елку. Являться с пустыми руками как-то неудобно, вот я и принес. Елочки-то у тебя, поди, нет.

– Нет.

– Сойдет и эта.

Я наполнила трехлитровую банку водой и поставила туда елку. Все лучше, чем ничего.

Вечер проходил душевно. Мы расправились с курицей, выпили по паре рюмашек и сидели, распевая во все горло: «Каким ты был, таким ты и остался...»

Я выводила мелодию, подперев щеку рукой, Егорыч вторил мне, взяв октавой ниже, – наш дуэт вполне мог процветать в провинциальных кабаках, после пения сосед расчувствовался и высморкался в большой клетчатый платок.

– Хорошая ты баба, Маргарита, душевная. Не такая, как другие.

Под другими он явно подразумевал собственную жену.

Зазвонил телефон; я встала и с чувством поцеловала Егорыча в макушку, прикрытую редкими волосами.

– Все образуется, Егорыч, вот увидишь.

Едва я сняла трубку, как раздался Динкин вопль.

– Наконец-то. А то я звоню, звоню.

– Не слышала. Мы с Егорычем сидим и песенки распеваем. Хочешь, приезжай к нам.

– У меня Мишка пропал, – произнесла Динка громким шепотом.

– В смысле?

– Не знаешь, как люди пропадают? – рассердилась она. – Слушай, – она снова перешла на шепот. – Я просто схожу с ума.

– Как давно его нет?

– С Нового года.

– Он встретил Новый год и исчез? – уточнила я.

– Новый год мы встречали до четырех утра. Потом он лег спать, проснулся в девять и ушел. Сказал, что ему нужно к матери уехать. Она, мол, плохо себя чувствует и просила его навестить. Он уехал и... все, – закончила Динка, издав непонятный звук, который я квалифицировала, как прелюдию к истерике.

– Друзьям звонила?

– Естественно.

– Что?

– Ну ты же знаешь его друзей. Кто-то хихикал и говорил, что ничего не знает, кто-то наорал, что я беспокою людей в новогодние праздники, кто-то просто повесил трубку. До некоторых я не дозвонилась.

– А матери звонила?

– Да. Она сказала, что ни о чем его не просила и к ней он не приезжал.

– Может, врет? Прикрывает его? Ты сама говорила, что к тебе она относится – хуже не бывает. Так и не приняла тебя из-за Даньки. А Мишке все гудела, что взял женщину с ребенком. Старорежимная она женщина. Сейчас уже никто на это внимания не обращает. А она все время Мишку подзуживает и науськивает. Покоя вашей семье не дает. Дети-то где?

– Во дворе играют. Что им говорить – ума не приложу. Они уже пару раз спрашивали: где папа? Я ответила, что в командировку уехал. И что мне делать?

– Не знаю. Наверное, ждать, когда он объявится. Гудит где-то; расслабляется по полной и не хочет домой являться.

– Я не могу ждать. Я... – Динка с шумом вобрала в себя воздух, и я поняла, что нужно срочно ехать на помощь подруге.

– Ладно, я сейчас приеду, – буркнула я.

– Спасибо.

Я повесила трубку и вернулась на кухню. Егорыч уже спал, положив голову на руки. Я растолкала его.

– Егорыч. Мне уезжать срочно надо.

– К мужику?

– Если бы... Подругу спасти. У нее муж пропал.

– А... – и мой сосед махнул рукой. – Куда он денется. Принял на грудь и не хочет домой являться. Отсыпается.

– Хотелось бы верить, – вздохнула я. – Вот подруга в это не очень верит.

Я собралась за пятнадцать минут, с трудом выдворила Егорыча, который уверял, что ему лучше остаться у меня и дожидаться моего возвращения. Я сказала, что вернусь неизвестно когда и неизвестно с кем – возможно, с кавалером. А мой хахаль, увидев другого мужчину, может и в драку полезть. При этих словах сосед ретировался с предложением продолжить празднование завтра. Прямо с утрачка. На что я резонно возразила, что завтра будет завтра. В ответ Егорыч сказал, что таких умных слов не слышал от меня уже давно. Я хмыкнула и сказала, чтобы он не подлизывался и не подкалывал. Мне некогда, и, если он хочет, чтобы мы остались добрыми соседями, ему лучше поскорее уйти и не задерживать меня. Егорыч ушел, а я оделась и поехала к Динке, кляня про себя Мишку, который удрал в компанию и не предупредил жену. Хотя от Мишки, по моему мнению, можно ожидать чего угодно. Есть такие мужики, у которых чувство ответственности находится на угрожающе низкой отметке. Что бы ни случилось, у них одна позиция – «моя хата с краю, ничего не знаю». Я отговаривала Динку

от этого брака, но она даже не слушала меня. Ей было важно забыть Игоря, своего первого мужа, залечить, зализать раны после его внезапного ухода.

Для Динки это была жуткая травма. Игорь ушел, когда Даньнке не исполнилось и года, оставив краткую записку. «Прости, я ушел. Все бесполезно». Динка рыдала и трясла запиской, всерьез думая о самоубийстве. И между приступами истерики говорила, что оставит мне Даню. А она, мол, никудышная жена и мать, раз ее бросил муж и исчез в неизвестном направлении.

Я не выдержала и ударила ее по лицу, чтобы привести в чувство. Но она накинулась на меня и стала кричать, что я никогда никого не любила и поэтому не могу себе представить, что это такое, когда мужчина, которого ты обожаешь и которому готова...

Я попросила ее замолчать. У меня сел голос, и я не могла говорить.

– Прекрати, пожалуйста, прекрати! Ты несешь сама не знаешь что. Потом будешь рассказывать и жалеть об этом.

– Ой, прости меня, пожалуйста! – ойкнула она и зарыдала.

А меня затрясло.

Игорь... моя первая любовь и муж Динки. Как я ни старалась его забыть, но получалось это у меня плохо. Воспоминания нашей любви, расставание и его женитьбу на моей лучшей подруге я старательно запихнула, рассовала в самые дальние уголки памяти. Но порой они предательски оттуда выползали и наполняли мою жизнь призраками и кошмарами. Тогда я заливала тоску вином, срывалась и мчалась в клуб или на вечеринку и там отчаянно веселилась, пытаюсь все забыть, выбирала мужчину на одну ночь и занималась яростным сексом, чтобы вытравить все воспоминания... Прошлое меня не отпускало... не хотело отпускать...

Я схватила упирающуюся Динку и потащила ее в ванную. Там открыла кран и сунула ее голову под холодную воду, этот душик немного привел ее в чувство, и мы вернулись в комнату. Там мы обе разрыдались и, причитая, как нам не повезло в жизни, нашли утешение в объятиях друг друга.

– Я ничего не понимаю, Игорь... Мы даже не ссорились. Почему он ушел? Как ты думаешь, почему? Маргошечка, Гошка! Почему нам не везет?.. Ты такая умная, скажи, и я тебе поверю. Ведь не может быть, чтобы муж ни с того ни с чего развернулся и ушел. Не бывает. Ну почему мы такие несчастные?

Я молчала, осторожно отодвинувшись от Динки. Говорить об Игоре, понятное дело, мне не хотелось. Есть такие мужчины, приручить которых невозможно; они слишком яркие, слишком самостоятельные, слишком независимые. Иногда они делают вид, что играют по общим правилам, но спустя время с легкостью их нарушают. Они сами устанавливают эти правила и заставляют других жить по ним.

Такие мужчины ходят сами по себе, не считаясь ни с кем и ни с чем. Только с собственными желаниями и настроением.

Через месяц после ухода он эмигрировал в Германию, как узнала-выпытала Динка у своей свекрови, которая сообщила эту информацию и попросила Динку больше никогда ей не звонить. Мать Игоря, холеная моложавая дама, состояла в третьем браке, была замужем за мужчиной, который был значительно моложе ее, и тщательно избегала ситуаций, которые могли бы вывести ее из душевного равновесия или потрепать нервы.

Динке крупно не повезло с Игорем.

Или повезло, потому что...

Динка прервала мои размышления.

– Маргошечка, он вернется?

Врать не хотелось, но говорить правду было опасно и неприятно. В конце концов женская дружба зиждется на солидарности и надежде, что все когда-то образуется и будет хорошо. Если не сегодня, то завтра. Если не завтра, то через неделю. Динка ждала от меня утешений и этой

призрачной слабой надежды. Она была нужна ей позарез. Как воздух. И как я могла ее лишиться этого?

– Не знаю. Мне кажется, вернется.

– Ты так думаешь? – обрадовалась Динка. – Правда, так думаешь?

Неохотно я кивнула головой. Терпеть не могла вранья, но здесь приходилось идти на явную и беспардонную ложь ради любимой подруги. Ради ее спокойствия.

Но на душе было муторно; я прекрасно понимала, что Игорь не вернется. Никогда.

Три года понадобилось Динке, чтобы прийти в себя. Три года я была около нее. Сестра милосердия и мать Тереза в одном лице. Динка с трудом выкарабкалась из затяжной депрессии. Во многом благодаря мне, хотя я никогда не выпячивала свои заслуги в этом деле.

– Я бы пропала без тебя, – твердила Динка. – Ты – мой ангел, Маргошечка!

– Не определяй меня в небесную канцелярию, подруга. А то нос невзначай задеру и общаться перестану.

– Но ты действительно очень, очень помогла мне. И я этого никогда не забуду.

А спустя полгода Динка встретила Мишу – холостяка со стажем, мужика, панически боявшегося всякой ответственности. Его внимание Динка приняла за любовь и принялась усиленно обхаживать его, решив, что Мишка – лучший кандидат в мужья номер два, то, что ей надо – мужчина, который заставит ее забыть Игоря.

Наивная! То ли она и вправду так думала, то ли питала иллюзии...

Я не знала этого и не хотела знать. Мне было важно другое: мысль, что Динка теперь устроена и я могу о ней не беспокоиться, грела мне душу. Несмотря на то что мы были ровесницами, я всегда относилась к Динке, как к младшей сестре – мне хотелось ее опекать и заботиться о ней. И теперь как заботливая родственница я могла вздохнуть с облегчением: Динка вышла замуж! К такому решительному поступку Мишку подтолкнула Динкина беременность; мне кажется, если бы не ее интересное положение – он бы ни в жисть не пошел в ЗАГС. Пинками бы его туда не загнали.

– Теперь очередь за тобой, – сказала Динка, когда через неделю после свадьбы приехала ко мне домой с большим тортом. – Ты хоть думаешь об этом?

– О чем? О мужчинах? Конечно, думаю. Ты могла бы и не спрашивать насчет них.

– Я не о твоих романах. Я о замужестве. Неужели ты не хочешь остановиться?

Я пыталась унять дрожь, которая возникла внутри меня, и страшно боялась, что Динка заметит ее.

– Остановиться? – я рассмеялась и запрокинула голову. – Я так люблю мужчин, что не могу сделать свой выбор. Не могу никого обидеть.

– Маргошечка! Ты такая красавица и можешь вскружить голову любому, стоит тебе только захотеть.

Невольно я бросила взгляд в зеркало, я стояла напротив него и мазала кремом лицо. Мои темные волосы, глаза цвета спелого крыжовника, чувственно капризные губы и правда многим кружили головы. Многим, но не тому, о ком я часто думала...

– Наверное, я не создана для брака, – со смехом заключила я. – Прирожденная кошка, которая гуляет сама по себе.

– Ты это нарочно говоришь. Уверена, что в глубине души...

Я уже готова была рассердиться на Динку по-настоящему.

– Откуда ты знаешь это? Не все хотят сидеть по вечерам дома и приносить мужу тапочки, когда он придет с работы. Я люблю веселье, люблю вечером сорваться и поехать в ночной клуб, танцевать, слушать музыку, словом, ловить настоящий драйв... Что ты знаешь обо мне?

– Прости! Я не имела права говорить тебе это...

Я бросила взгляд на Динку: похоже, она и вправду думала, что обидела меня. Но это не так. Я и в самом деле не хочу быть ни к кому привязанной. Не хочу сидеть вечерами дома, не

хочу, чтобы меня распекали за неприготовленный вовремя ужин или за слишком громкий плач ребенка. Я не хочу быть ничьей тенью или служанкой. Я это я... Такая непохожая на других женщин, что у меня никогда не было никаких подруг. Кроме Динки.

– Все в порядке. Как Мишка? – перевела я тему.

– Дома. Сидит и смотрит телевизор. Я так счастлива... – Динка сидела на диване и намазывала прядь волос на палец.

– Ты его любишь?

Динка тряхнула головой и отвела взгляд в сторону.

– Мне хочется стабильности, хочется семьи и хочется о ком-то заботиться, хочется приходить в дом, где меня ждут. Очень хочется. И Миша ценит мою заботу и внимание. И сам он...

– Он тебя устраивает как любовник?

– Да. Не так как...

– Понятно. – Я не хотела разговоров на эту тему. Не хотела, чтобы Динка возвращалась в свое прошлое. У нее впереди другая жизнь, и незачем тащить в нее с собой обломки рухнувшего брака. Ни к чему. И я это хорошо понимала.

Мы посидели еще часик и поболтали: поговорили обо всем и ни о чем. Я видела, что краем глаза Динка смотрит на часы. И тогда я пронзительно поняла, что наша дружба входит в другое измерение, что у Динки теперь – своя жизнь: размеренно-семейная, с Мишкой, Даней и Сеней. Они сделали УЗИ и уже выбрали имя для малыша. Мне в этой жизни места нет, как бы я ни хорохорилась. Дружба – это сообщество равных и заговор против всех остальных. Но наше равенство пошатнулось, и я в глазах Динки – существо, которое надо жалеть. Раз уж я не замужем.

Сколько раз я сталкивалась с тем, что стоит мне завести знакомство с замужней женщиной, как первый ее вопрос о том, есть ли у меня муж, семья, ставил меня в тупик. Но потом я поняла: это водораздел, здесь проходит граница мира.

Незамужние женщины – как каста прокаженных. Их избегают и боятся. И жалеют. И это было для меня ненавистней всего – жалость людей, которых я презирала. И вообще жалость для меня как нож по сердцу. Еще давно я поклялась, что никто и никогда не будет меня жалеть, я просто не позволю этого.

Я сильная независимая женщина, и почему я должна считать себя человеком низшего сорта? По какому праву? И кто это решил?..

Ты же справишься, шептала я бессонными ночами, глядя в потолок. Ты сильная. Ты должна справиться. Динка не виновата, что ей всю жизнь хотелось иметь семью. Это было ее манией, пунктиком.

С Динкой мы виделись все реже и реже. Звонки становились все короче и необязательней. Простая переключка между двумя мирами-галактиками из серии: «Как дела и что делаешь»... Динка стремительно отдалялась, а я по-прежнему вращалась на своей орбите и не собиралась с нее сходить. За последний год мы виделись вообще раз шесть-семь, и это не вызвало у нас никакого удивления. Наверное, мы обе уже в душе смирились с существующим порядком вещей, установленным не нами и не сегодня. Каждый должен пасть среди своих и в своем стаде. Замужние с замужними, одинокие с одинокими...

К тому же Мишка меня сразу невлюбил, с первого взгляда. Он сразу распознал во мне своего врага: кожей, нюхом, звериным чутьем. Для него, самца с самомнением, я была настоящим врагом, который мог подвигнуть его домашнюю курицу на бунт и на сопротивление. Он понял все правильно. Вот только Динка бунтовать не собиралась; ее устраивала собственная жизнь, больше похожая на медленное умирание. Но это была моя точка зрения, не совпадающая с мнением большинства. И я не собиралась ее никому навязывать.

Однако ее последний крик-воплъ, просьба, чтобы я провела Новый год с ней, укрепил меня в мнении, что в Динкиной жизни что-то идет не так. Поэтому она и призвала меня на

помощь. Я всегда была для подруги палочкой-выручалочкой, истиной в последней инстанции и Терминатором, готовым сражаться за нее со всем миром.

И вот теперь исчезнувший Мишка только подтверждал мою мысль – что Динка все это время молчала, не желая посвящать меня в свои семейные проблемы. Но дело – дрянь, и поэтому она призвала меня, старого солдата на заслуженной пенсии, к новым сражениям, от которых я чертовски устала.

Еще во дворе я увидела Даню и Сеньку и помахала им рукой. В ответ около моего уха просвистели снежки, и я погрозила им кулаком.

Динка с несчастным видом сидела на кухне: уголки губ были опущены, и она нервно теребила тряпку, которой вытирала с кухонного стола.

– И что здесь случилось? – сказала я нарочито бодрым голосом. Так врач приходит к безнадежно больному и пытается шутками-прибаутками отвлечь его от болезни.

– Мишка пропал. У меня плохое предчувствие.

– Найдется!

– А если он... как Игорь.

– Фантазия работает, подруга! – усмехнулась я и взяла ее руку в свою. – Успокойся, твой Мишка уже на пути к дому. Куда он уйдет? Чего ты выдумала.

– Он вообще в последнее время стал каким-то другим.

– Тоже – предчувствия? – хмыкнула я.

Динка обиделась.

– Я серьезно. А ты хохмишь!

– Ладно не буду. Выкладывай. Я слушаю тебя.

– Во-первых, год назад Мишка потерял работу и очень переживал по этому поводу.

– Ты мне об этом ничего не говорила. Могла бы позвонить. Я бы ссудила тебе деньги.

Без проблем.

Динка заерзала на табуретке.

– Ну... я хотела справиться сама, и потом я думала, что это – временно. Да и неудобно как-то у тебя деньги просить.

– Неудобно делать другое. А мы же подруги. Кроме того, у тебя двое детей. Как ты одна корячилась-то?

– Я работала за двоих, взяла еще полставки, занималась репетиторством. Было, конечно, нелегко. Но четыре месяца назад Мишка устроился на работу.

Я прикинула в уме.

– Значит, восемь месяцев он сидел на твоей шее.

Динка промолчала.

– И что дальше? Куда он устроился-то?

– В российско-германскую фирму. С приличным капиталом.

– Сам или длинная мохнатая лапа?

– Бывший одноклассник Гера Савельев подсобил. Если бы не он... Мишка так и сказал: «Если бы не Герка!»

Я всегда знала, что сильной половине человечества везет в этой жизни незаслуженно. Там, где бабе нужно вылезти из себя, чтобы застолбить новое место работы или пойти на повышение – мужикам достаточно крепкого молчаливого рукопожатия, совместной поездки на рыбалку, звонка бывшему однокласснику и – теплое место в кармане.

– Зарплату он сразу стал получать приличную. Но... Мишка сильно изменился.

– Вот с этого места поподробнее, как говорят следователи на допросах.

– Он стал больше времени проводить вне дома, куда-то уходить по вечерам. После работы задерживался, говорил, корпоративные мероприятия. Пару раз соврал, что едет к матери, хотя

я перезванивала ей, и она с торжеством говорила, что его не было. Сдается мне, что она только и ждет нашего развода. Просто мечтает о нем. Хотя ей-то что от этого?

Я упрямо покачала головой.

– Ты не права. Ненависть свекрови к невестке почище классово-ненависти бомжа к олигарху. Она твердо убеждена, что ее сыночек достоин самого-самого лучшего. Принцесса любого европейского княжества или королевства – самый подходящий вариант. Ты на него не тянешь. Ты – женщина с ребенком, которая охомутала ее драгоценного Мишеньку. А что он-то тебе говорил?

– Врал. А я делала вид, что верю этому.

– Почему?

– Не хотела скандалов и выяснений отношений. И боялась, что он уйдет.

Динка пристально посмотрела на меня и с отчаянием выпалила:

– У него есть женщина. Я знаю.

– Откуда?

– Я пролистала его записную книжку. Она записана в конце и не по алфавиту. И поставлена галочка. Я позвонила ей пару раз и бросила трубку. А потом... – голос Динки задрожал. – Я недавно подслушала их разговор. Я пришла с работы пораньше и услышала, как он ворковал с ней по телефону: «Аня, Анечка! Мы с тобой в эдеме». То есть с ней ему как в раю. А со мной, значит, – Динкины глаза были полны слез... – И теперь его исчезновение. Здесь точно эта сучка замешана.

Все было странно. Но говорить об этом Динке значило сеять в ней преждевременную панику. А это было из разряда запрещенных приемов.

– И что ты хочешь от меня? – устало качнула я головой. Мне уже хотелось спать; душевное сидение с Егорычем меня несколько утомило, и теперь телу хотелось принять горизонтальное положение и расслабиться.

– Ты должна что-нибудь придумать.

– Знаешь, если честно, то ничего не лезет в голову, – призналась я. – Стычка с ментами, ночь в обезьяннике – не самое лучшее время препровождения для мозгов. Боюсь, что они у меня явно не в рабочем состоянии.

– Хорошо. Выспись. Двух часов тебе хватит?

– Надеюсь. Но если что – не буди. Дай женщине выспаться после трудового Нового года. Я дала ментам работу. Да меня за это премировать надо.

– Премию тебе никто не даст. И не надейся.

– Я уже давно ни на что не надеюсь. – И это была чистая правда.

«Крайне циничное существо», называли меня знакомые и коллеги, и я старалась их не разочаровывать.

– Где спать будешь? В гостиной или в детской?

– Ребятишки, чай, скоро придут? – спросила я, отметив про себя, что Динка не предложила мне спальню. Очевидно, это было для нее ритуально-священное место, куда посторонним вход воспрещен.

– Нескоро. Погода стоит хорошая, пусть в снежки играют. Ты три раза выспаться успеешь.

– Ну, если так... Одеяло у тебя найдется? Теплое, верблюжье? Под каким абы я не засну.

– Есть и такое. Сейчас принесу.

Через минуту я лежала в детской – на деревянной кровати под теплым коричнево-бежевым одеялом, именно таким, как я любила, – теплым, мохнатым и немного колючим. Я натянула его до самого подбородка и вскоре уже спала, не слыша, как Динка вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Проснулась я от того, что кто-то тихо тряс меня за плечо.

– Что? – вскрикнула я и подскочила на кровати. Свет в комнате был потушен, только слабый жидкий свет ночника, горевший у второй кровати, освещал детскую.

– Тише! – приложила она палец к губам. – Уже десять часов вечера. Дети спят в соседней комнате. Только что заснули.

– И сколько я проспала?

– Четыре часа подряд. Как будто бы ты работала в шахте.

– Общение с Егорычем, – зевнула я. – Он кого хошь утомит.

– Вставай, и пошли в кухню.

От плаксивости Динки не осталось и следа. Она была сосредоточенна. Волосы собраны сзади в жидкий хвостик. На носу – очки.

– Ты носишь очки?

– Только иногда. Я работала по ночам, зрение стало падать – пришлось обзавестись очками. Я жду тебя в кухне.

Я скинула одеяло и зевнула. Мишки еще нет дома, это ясен пень. Динка что-то придумала и будет претворять свой план в жизнь. Судя по ее виду, настроена она воинственно и легкого вечера для меня не предвидится. А жаль! Хотелось поесть и снова завалиться спать.

Я вышла на кухню. Динка стояла ко мне спиной и жарила картошку.

– Есть будешь?

– Буду.

Я села на табуретку и подперла щеку рукой.

– Его все еще нет, – сказала Динка, по-прежнему не поворачиваясь ко мне. – Надо звонить этой Анне и припереть ее к стенке. Он у нее, слинял из дома и отдыхает в свое удовольствие, пока я тут схожу с ума от неизвестности.

Что-то здесь было не так. При всем желании я не могла себе представить, что Мишка настолько обнаглел, что решил уйти из дома сразу после Нового года. Без всяких объяснений. На такой поступок нужна решимость и характер. У Мишки не было ни того, ни другого.

– Дин. Я тебя, конечно, понимаю, но мне кажется, не так уж все и страшно. Никуда он не ушел. Просто оттягивается в какой-нибудь компании после новогоднего сабантуя. А через пару деньков объявится как ни в чем не бывало. Придет с повинной: так и так, мол, прости меня, дорогая, больше не буду. Тебе просто надо набраться терпения.

Динка с размаху поставила сковородку на стол.

– Не могу я набраться никакого терпения. Мне нужно что-то делать, иначе я сойду с ума. Давай позвоним этой Анне, а потом поедем к ней.

– Ты знаешь ее адрес? – мои брови поползли вверх.

– Он был записан в его книжке.

– Крайне неосторожно с Мишкиной стороны. И неумно, – вынесла я свой вердикт.

– Он не виноват. Это я залезла в его книжку и нашла там и адрес, и телефон. Даже два адреса. Наверное, по одному она прописана, по-другому – проживает. Как многие.

Я подумала, что Динка стала самой настоящей подозрительной женой со всеми вытекающими признаками и атрибутами: слежкой, проверкой карманов и штудированием записных книжек. Меня сия чаша миновала. И, наверное, к счастью, потому что я не представляю себе такую унижительную жизнь: сидеть и гадать – куда подевался мой муж и когда он придет, и придет ли вообще. Я всегда мечтала о человеке, с которым я буду настроена на одну волну и которому мне ничего не придется объяснять; нам это просто будет не нужно. И уж он-то точно никуда не слиняет и не уйдет, потому что он будет дорожить мной. А я им. И разве это глупые несбыточные мечты? Мне кажется, что на меньшее соглашаться и не стоит, иначе твоя жизнь незаметно превратится в один сплошной компромисс без всякой надежды на семейное счастье и взаимную любовь...

Я усмехнулась про себя. Маргарита! Тебе уже скоро тридцать, а ты все мечтаешь о счастливой любви? Да и есть ли она? Может быть, это самый большой миф, созданный человечеством? А на самом деле под любовью подразумевают теплоту, нежность, дружбу, привязанность, привычку...

– О чем ты думаешь? – внезапно спросила Динка.

Я покачала головой.

– О разных глупостях.

– Поделись.

Я тихо рассмеялась.

– О любви.

– Это не глупость, – с расстановкой произнесла Динка. – Это самое большое счастье, какое только может выпасть на долю человека. Если бы Игорь не ушел, я бы считала себя самой счастливой женщиной в мире.

– Зачем говорить о том, чего уже нет.

– Ты права. Звони!

– Можно хотя бы картошку поесть?

– Потом будет поздно. И так уже половина одиннадцатого.

– Давай отложим звонок на завтра.

– Звони!

Анна Ермолаева к телефону не подходила и упорно игнорировала мои звонки.

– Нет дома человека, – и я потрясла трубкой.

– Куда-то уехали, – не сдавалась Динка. – Прячутся ото всех и трахаются до потери пульса.

И тут Динка заплакала. Она плакала по-детски неумело, размазывая слезы по щекам, всхлипывая и тоненько подвывая.

– Тише! Детей разбудишь.

– А мне уже все равно... – всхлипывала Динка.

– Ладно. Я поеду к Анне и разберусь с ней. Если она, конечно, дома.

– Я с тобой, – откликнулась подруга.

– Мне кажется, это уже лишнее. Дети проснутся, а тебя – нет.

– Мы быстро приедем обратно. А спят они крепко, их из пушки не разбудишь.

– Тогда одевайся быстро, и поехали.

На улице было холодно. Мой старый полушубок из рыжей лисы уже не грел, и я потерла щеки руками. Динка шла рядом, опустив голову, как будто бы считая про себя шаги. Небо было черно-беззвездным. То там, то здесь в окнах вспыхивал свет от елочных гирлянд, а я подумала, что все люди сидят и празднуют второй день января, а мы плетемся непонятно куда и непонятно зачем. Но сказать так, значит, смертельно обидеть Динку.

В машине я включила печку и посмотрела на Динку. Она сидела, полностью погруженная в свои мысли, и никак не реагировала на окружающую обстановку.

Я не выдержала.

– Дин! – дотронулась я до ее руки.

– А? – Динка вскинула голову, и такая боль была в ее взгляде, что я резко рванула рычаг передач на себя. Кто бы ни была эта Анна Ермолаева, я ей переломая руки и ноги, если она и вправду вздумала увести Мишку из семьи.

Мы стояли и безуспешно жали на кнопку домофона: никто не открывал.

– Дохлый номер. В дом мы не попадем. Днем у нас был бы шанс дождаться, когда кто-нибудь будет входить. Сейчас это бесполезно. Если только кто-то будет возвращаться домой из гостей или... – я не закончила, Динка решительно нажала на кнопку домофона.

– Ты куда звонишь? – обалдела я.

– Наугад, – сказала она. – Кто-нибудь да откроет.

С четвертой попытки нам открыли после отборной порции мата.

– Видишь, получилось, – и Динка криво улыбнулась.

– Ты уверена, что хочешь поговорить с Ермолаевой?

– Уверена. Все равно у меня нет другого выхода. Умирать от неизвестности я больше не могу.

Едва мы открыли дверь подъезда, как в нос ударил запах мочи.

– Какой-нибудь бомж здесь помочился, – зажав нос, сказала я.

Мы дождались лифта и поехали на восьмой этаж. Динка старалась не смотреть на меня. Я прикидывала: как начать разговор и что мы скажем, если Мишка все-таки там, во что мне слабо верилось.

В холле было темно, хоть глаза выколи.

– Какая у нее квартира?

– Пятьдесят первая.

– Попробуй найди тут в потемках, – проворчала я. – Не могут лампочку вкрутить...

После того, как Динка осветила мобильным, мы нашли квартиру и остановились около нее.

– Давай ты, – предложила Динка. Вся решимость ее спала, и голос предательски дрожал. Я сжала ее руку.

– Я с тобой, – шепнула я. – Мы обе сумасшедшие. Ты и я.

Раскатистый голосистый звонок проникал во все закоулки квартиры; он заходил в запыленную трели, и я ждала быстрых шагов и скрипа половиц. Ни звука.

– Спит?

– От такого звонка встанет мертвый, – хмыкнула я. – Сейчас проснется.

Палец лежал на кнопке, но никто не спешил открывать нам дверь. Я стукнула кулаком по дерматину, и дверь открылась.

– Пошли назад! – схватила меня за руку Динка.

Но я медленно покачала головой. Я всегда ставила точки над «i» и шла до конца. Я просто не могла уйти, не выяснив, в чем дело и почему никто нам не открыл. А главное – почему дверь не закрыта.

– Если хочешь, оставайся здесь.

– Я не могу... – запинаясь Динка. – Я боюсь.

– Тогда иди со мной. Сзади.

Динка колебалась, но наконец она резко выдохнула и подтолкнула меня плечом.

– Ну... пошли!

Свет горел в дальней комнате. В коридоре стояла темень. Я хотела щелкнуть выключателем, но Динка громко прошептала.

– Не надо.

Я сделала неопределенный жест головой. Мне здесь все не нравилось, и по-хорошему нужно было делать отсюда ноги, но раз уж мы здесь...

Анна Ермолаева висела на веревке в кухне: высунутый язык и босые ноги; один тапок валялся около нее, другой лежал на столе. Динка с шумом втянула в себя воздух и выдавила:

– Боже мой! Уходим! Сию минуту уходим, зачем мы вообще сюда пришли, – запричитала она, забыв, что именно благодаря ее стараниям мы здесь и оказались.

Но я стояла и чего-то медлила. Ермолаева была в нарядном платье кораллового цвета, на шее – золотая цепочка с кулоном. Тонкие ажурные чулки. Она шла на свидание? Так дома не одеваются... Или она кого-то ждала?

Динка с силой дернула меня за руку.

– Гошка! Ты ненормальная! Стоишь и пялишься! Я сейчас в обморок хлопнусь, а тебе все нипочем...

– Очень даже почем.

Я повернулась к Ермолаевой спиной. Только сейчас я почувствовала, что меня бьет липкая противная дрожь. Теперь мне хотелось убежать из этой квартиры, скорее оказаться в безопасном месте и забыть об увиденном.

На негнущихся ногах мы вышли из квартиры, предварительно я провела платком по двери, стирая наши отпечатки пальцев.

На улице шел снег, пушистые хлопья валились с неба, и я подумала, что завтра наметет большущие сугробы. Я изо всех сил старалась не думать о трупе, о том, что мы видели, но тщетно. Передо мной вставало лицо Ермолаевой, и я знала, что нескоро забуду его...

– Гошка! Где Миша? Куда он исчез? И почему Ермолаева...

Вопросы сыпались из Динки без остановок, а я думала, как ее успокоить и что придумать, чтобы отвлечь ее внимание, иначе Динка сейчас впадет в истерику или грохнется в обморок. Чувствительная Динка, которая еще в студенческие годы просила меня сопровождать ее в ветеринарную клинику, когда ее огромному белому коту Ваське требовались уколы или прививка, потому что она не могла спокойно смотреть на мучения бедного кота, истошно вопившего при виде ветеринара со шприцом в руках.

– Едем домой! Там Даня с Сенькой спят. Вдруг проснутся, а тебя – нет.

– Да, домой, – встрепенулась Динка. – И поскорее.

Сев в машину, я неожиданно поняла, что не смогу ее вести: мои руки дрожали мелкой предательской дрожью. Я сделала глубокий вдох и стиснула руки в кулаки, пытаясь успокоиться. Динка метнула на меня встревоженный взгляд.

– Что такое?

– Сейчас... приду в себя...

Я вспомнила, что в багажнике у меня еще с лета лежит бутылка водки: я обещала ее в подарок нашему водителю Сан Санычу, у которого родилась внучка, и мы на работе подносили ему по этому случаю презенты. Но купив водку, я забыла, куда ее дела; мне пришлось покупать новую бутылку, а та, старая, так и лежала в багажнике, завалившись между пакетами с надувным матрасом и запасным колесом, пока я не нашла ее недавно. И сейчас я вспомнила об этой бутылке. Я вышла из машины, достала водку и, вернувшись, потрясла бутылкой перед лицом Динки.

– Я выпью.

– А ГИБДД? Ты лишишься прав, если что...

– Будем надеяться, что «если что» не будет. Нам только и остается, что надеяться.

Лицо Динки при моих словах исказила страдальческая гримаса.

– Дай мне.

– Сейчас...

Я нашла в бардачке пластиковый стаканчик и протянула его подруге. Налила полстакана, и Динка залпом выпила. Я пила из горлышка, чувствуя, как спасительно-желанное тепло обволакивает меня изнутри.

Бутылку с остатками водки я убрала в бардачок. Мы тронулись с места; вела я осторожно, не лихачила, хотя хотелось разогнаться по-настоящему, но я боялась, что в любой момент меня подведут эмоции, нервы, руль выскользнет из рук, и мы пополним сводки ДТП в качестве примера вождения машины в нетрезвом состоянии. Чего мне, естественно, не хотелось.

Дома у Динки было тихо. Она заглянула в детскую.

– Спят.

– Я поехала домой.

– Ты что? – вскинулась она. – А я? Как я могу остаться одна? Гошка! Ты не можешь бросить меня в таком состоянии!

– Ладно, – сдалась я. – Сегодня я у тебя останусь, так и быть. Но переселиться я к тебе насовсем не могу. У меня Егорыч.

– Кто? – переспросила Динка. – А, сосед-алкоголик.

– Он не алкоголик. Он – жертва и страдающая душа.

– Это ты у него таких слов нахваталась?

– Нет. Выдумала сама. Мужик плохо. И он страдает после ухода жены.

– А я? Ты уедешь и не поможешь мне?

– Останусь, останусь.

Но я не представляла, чем я могу помочь Динке. Смерть Ермолаевой явно доказывала, что здесь должна действовать милиция. Насчет Мишки я была не уверена. То ли он слинял куда-то гульнуть в новогодние праздники, то ли он был тем человеком, кого ждала Ермолаева и для кого она так вырядилась. А если Мишка пришел на назначенное свидание, увидел мертвую Ермолаеву и дал стрелкача? Такое тоже возможно. И теперь его днем с огнем не найти. Он будет отсиживаться где-то, решив, что на него первого падет подозрение. Мишка – трус, и такое поведение – удрать, не думая о последствиях, – вполне характерно для него. Поэтому, честно, я думала, что Мишка ни во что серьезное не влип, а просто где-то скрывается: то ли от семьи, то ли от ментов.

– Чай будешь?

– Какой чай. У меня глаза слипаются. Я еще, когда машину вела, думала, что усну за рулем.

– Я тебе раскладушку в детской поставлю.

Динка ушла за раскладушкой, а я прошла в детскую и села на стул, подняв с пола плюшевого бегемота. Сеня разбрасывал игрушки где ни попадя, за что ему крепко влетало от Динки.

– Вот раскладушка. Вот белье. Постелить или сама справишься?

– Справлюсь. Ложись и ты. Не вздумай сидеть на кухне, курить или пить валерьянку. Этим ты делу не поможешь. Тебе нужно быть в тонусе ради детей.

– Я знаю. – Динка стояла бледная, скрестив руки на груди. – Как вспомню, что мы видели...

– Ладно, – оборвала я ее. – Давай спать.

– Ты думаешь, я смогу...

– Спокойной ночи!

Я ворочалась и не могла уснуть: распухшее лицо Ермолаевой вставало перед глазами как наяву. Я перекатывалась на другой бок и пыталась все выкинуть из головы. Но не получалось, и уснула я уже, когда слабо начинало рассветать. При этом мне снилась Ермолаева, висевшая на кухне. Только не мертвая, а живая – она высовывала язык и страшно хохотала. Потом на кухню пришел Мишка, сказал мне «привет» и стал рассказывать какую-то непонятную историю. Ермолаева прыгнула на пол и села рядом с нами. Она слушала Мишку, не перебивая, лицо у нее было красным, распухшим. Внезапно она повернулась ко мне и протянула руку... Рука была мягкая, как вата...

Я вскрикнула и проснулась.

Надо мной стоял Сеня и водил по лицу вчерашним бегемотом.

– Пливет. Вставай. Мама уже завтлак плиготовила. Оладьи с валеньем.

– А ты почему не ешь?

– Я уже съел. Но с вами еще поем. За капанию, – прибавил он, подумав.

– Компанию, – поправила я. – И когда ты букву «р» научишься говорить?

– Я хожу к логопеду, занимаюсь, – рассудительно сказал он. – А такие дела сколо не делаются. Так мама говолит.

– Правильно твоя мама говорит, – я щелкнула его по носу. – А почему у бегемота нос в варенье?

– Так он тоже оладьи ел.

– Понятно. Иди на кухню, я сейчас приду.

Топот маленьких ног по паркету, и я снова одна. Быстро одевшись, я пригладила волосы и направилась в кухню. Все семейство было в сборе. Динка сидела бледная, с синяками под глазами, губы сжаты в ниточку. Увидев меня, она качнула головой, что означало «Мишка не объявлялся и не звонил». Я решила немного разрядить обстановку.

– Ну что, братцы-кролики. Едим оладьи наперегонки. Кто больше съест?

– Ула! – Сенька хлопнул ложкой по столу. – Мам! Дай сметану.

– Ты уже восемь оладий слопал. Мне не жалко, но вдруг живот заболит. Ты недавно котлет переел, так лежал на диване и охал.

– Не заболит.

– С брата бы пример брал, – Динка выложила горку оладий на тарелку. – А то ничего не ешь. Худой как щепка.

Все сказанное относилось к Дане, который сидел и ковырял вилкой в тарелке.

– Ты будешь есть или нет? – прикрикнула на него Динка.

Данька вскинул на мать черные глаза, но промолчал. Он был полной противоположностью младшему брату: молчун, слова не вытянешь.

– Дань. Смотри на меня и ешь.

Он подцепил половину оладьи и отправил ее в рот.

– Уже лучше, – похвалила я.

Мой мобильный взорвался трелью. Я оставила его в сумке в коридоре, и он звонил, не умолкая.

– Сиди, я принесу, – встала Динка.

Звонил Егорыч. Из его бестолковых восклицаний я поняла, что он сделал салат из капусты и соленых огурцов, потомил курицу в духовке и ждет меня.

– Мы с тобой толком не посидели, – сокрушался сосед. – Тебя подруга с места сорвала. Непорядок это. Новый год так и не отметили. Приезжай, Маргарита. Только это... – замялся он. – Бутылочку прихвати.

– Поняла.

– Да еще... я мимо двери твоей проходил, и голоса там были.

– Голоса? – насторожилась я.

– В смысле твой автоответчик шпарил. По-иностранному.

– Спасибо, Егорыч, за квартиру я, по крайней мере, спокойна. Ты на своем месте, как партизан в лесу. Ни одна муха мимо тебя не пролетит и заяц не проскочит.

– Ну это... ты загнула. Но стараюсь. Ты когда будешь?

– Скоро.

– Уезжаешь? – Динка пристально смотрела на меня.

– Где папа? – громко спросил Сеня. – Его еще нет.

Даня повернул ко мне голову.

– Папа уехал по рабочим делам. Внезапная командировка, – взгляд Динки тревожно метался между сыновьями, наконец он остановился на мне. В нем была негласная мольба о помощи.

– Много вопросов, – пришла я на помощь Динке. – У взрослых свои дела и проблемы. Понятно?

Сеня сосредоточенно кивнул, потянувшись за новой порцией оладушек. Динка слегка шлепнула его по руке.

– Хватит! Потом, бегемотик Булочка!

Сеня сполз с табуретки и вразвалочку пошел в комнату. Данька метнулся за ним.

– Куда?

– В комнату.

– А есть кто будет?

– Я уже поел.

– Ладно, иди! – махнула рукой Динка. – Все равно будешь здесь сидеть, ковыряться в тарелке да на нервы действовать.

Когда мы остались вдвоем, Динка прошептала:

– Я сойду с ума. У Мишки по-прежнему глухо. «Абонент недоступен». Ермолаеву, наверное, уже нашли. И что теперь?

Я пожала плечами.

– Милиция будет искать убийцу.

– А может, она сама повесилась?

– Надела нарядное платье и повесилась? Хотя... мы не следователи и сказать что-то наверняка не можем.

– Вдруг Мишка к этому причастен... – Динка, не закончив мысль, стиснула руки.

– А вот это ты брось! – постаралась я сказать как можно спокойней. – Возьми себя в руки и не пори ерунды.

– Я уже не знаю, что и думать, – простонала Динка.

Не спеша поднявшись с табуретки, я посмотрела в окно. Стоял тихий зимний день. От такой тишины можно было оглохнуть: звенящее белое безмолвие. Аккуратные холмики сугробов, серые дома, серое небо...

– Я поехала, – сказала я, стоя к подруге спиной.

– Ты не оставишь меня?

– Конечно, нет! А ты что – сомневаешься?

Егорыч выразил бурную радость по причине моего приезда.

– Маргоша! Рад до вусмерти! – иногда он выражался таким высокопарным слогом. – А соскучился жуть!

– Я одну минуту! Егорыч! Только загляну домой и мигом – к тебе.

– Давай уж! Курица остыла. Я снова ее подогрею в духовке.

В квартире я включила автоответчик. Эрнст Кляйнц приглашал меня на ужин в ресторан «Итальянская ривьера». Он выражал завидную уверенность, что я соглашусь на встречу с ним.

Прослушав сообщение, я задумалась. Сейчас мне уж точно было не до романтического ужина со швейцарцем. Динкины проблемы, пропавший Мишка, труп Ермолаевой.

Я посидела у Егорыча примерно час под сокрушительные возгласы «Какая-то ты сегодня, Марго, не такая», «И что с тобой случилось?», «Снова хахаль бросил?». Передо мной все время вставало багрово-синее лицо Ермолаевой и тапок на столе. И еще пропавший Мишка. Даже страшно подумать, что будет, если он не объявится. Динка, которая успокоилась и ведет тихо-размеренную семейную жизнь, не выдержит ее повторного крушения. И я понимала это как никто другой. Динка, для которой всегда были святы все семейные праздники и воскресные обеды-ужины, проводы детей в детский сад и школу и стоическое, чуть ли не круглосуточное дежурство, когда они болели. Динка, положившая на алтарь семьи всю свою жизнь, – она не может себе представить, как это снова остаться одной. Есть женщины, которые не мыслят себе жизни без мужчины. Ну никак. Весь ее мир, помыслы, желания вертятся вокруг одного-единственного и любимого, как земля вокруг солнца. И ничего с этим не поделаешь.

– Марго! Ты слушаешь меня или нет?

Егорыч уже в сотый раз рассказывал мне, как от него ушла змея-Тамарка: он вернулся после работы домой, а ее нет. Только записка белела на столе: «Ушла навсегда. Тамара».

– Ну чего ей не хватало? Чего? Вылетела из дома как ракета. Ни до свиданья, ни спасибо. Словно и не прожили вместе тридцать лет. А?

Я должна помочь Динке. Но как? Я вспомнила про второй адрес, записанный в Мишкиной книжке. А что, если поехать туда? Вдруг они встречались именно там, и Мишка отсиживается в этой квартире, или он вообще еще ничего не знает о смерти Ермолаевой и спокойно ждет ее в гнездышке для свиданий.

Мне захотелось рвануть туда и все разузнать. Вдруг Мишка действительно на той квартире?

– Хорошо мы посидели... – начала я издалека. – Отдохнуть бы надо.

Мой сосед обидчив; один раз из-за какого-то пустяка со мной два месяца не разговаривал.

– Уходить собралась? – мгновенно разгадал мой маневр Егорыч.

– Говорю же: надо отдохнуть.

– А здесь ты, значит, напрягаешься и мешки ворочаешь?

– Нет, конечно. Но поспать хочется, ванную принять. У подружки проблема – муж пропал, и я всю ночь ее успокаивала.

– К другой бабе ушел?

– Не знаю, Егорыч. Непонятно все тут. Но она – моя подруга, и я должна быть с ней.

– Ладно, иди. Я не в обиде.

Дома я, быстренько собравшись, посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. Как ни странно, от всех этих неприятностей я просто до неприличия расцвела: щеки горели тревожным огнем, в глазах появился блеск. Вид королевы-победительницы или амазонки-воительницы.

Я действительно от всех стрессов хорошела, как поникшие цветы от дождя, и мои близкие хорошо об этом знали. Мой босс безбожно пользовался этой моей особенностью и зачастую посылал меня в командировки со сложными поручениями.

– Там, где другие струхнут, ты, Марго, пройдешь танком и еще пару ухажеров подцепишь по причине твоей неземной красоты. Так что я за тебя спокоен, – говорил он.

– А за других – не очень?

– Вовсе не спокоен. Поэтому и посылаю тебя.

– А премию за мои старания? – корчила я недовольную гримасу. – Мне за вредность двойной оклад полагается.

– Ступай! – махал он в этом месте руками. – Выпишу небольшую премию и будь довольна. И так финансами не обделена.

Жаловаться мне было, действительно, грех: платил мне шеф хорошо и прекрасно понимал, что я его правая рука и человек надежный.

Когда я только пришла на работу, он скорее по привычке, чем по страстному влечению полез ко мне, твердо памятуя, что помощницы обычно разделяют с начальством не только офисные обязанности, но еще и другие, лично-интимного характера. Получив отпор, как человек умный, он быстро понял, что работник я толковый и ценный, а бабу он найдет в другом месте и без хлопот. Поэтому наши отношения с тех пор развивались исключительно в деловой плоскости и весьма успешно.

Я провела по губам бледно-розовой помадой и покинула квартиру, стараясь особо не шуметь. Я не хотела, чтобы меня увидел Егорыч и справедливо заподозрил в обмане.

Когда я приехала, то поняла, что мы с Динкой жестоко ошибались. По этому адресу располагался не жилой дом, а заведение под названием «Эдем».

Как я поняла из названия, не то салон красоты, не то подпольный стриптиз-бар. Я попробовала было сунуться в дверь, но плечистый охранник молча качнул головой и кратко изрек:

– Вход закрыт.

- Мне это... эпиляцию надо сделать и брови выщипать.
- Делайте в другом месте.
- А я хочу в этом.

Но он свирепо посмотрел на меня, и я поняла, что мне лучше уйти подобра-поздорову и не вступать в словесные перепалки.

Я потопала по дорожке посередине ровного поля обратно. Похоже, я приехала сюда зря. И здесь я увидела боковым зрением, как ржаво-золотистый вихрь мчится мне навстречу, взбаламучивая снег.

- Стой, Джим! Фу! – услышала я звонкий мальчишеский голос. – Фу!

Я обернулась. Прямо ко мне несся ирландский сеттер, поднимая фонтаны белых брызг. И как бы в довершение этого красивого зрелища на непродолжительное время из-за матово-серых туч выглянуло солнце – мощно, ослепляюще, и я на миг прикрыла глаза. А когда открыла их, сеттер был совсем близко – его лапы взлетали в воздух и с шумом опускались вниз. Вокруг него клубился снежный вихрь.

- Джим! – разносился голос хозяина.

Джим подскочил ко мне и ткнулся носом в сапоги.

Я невольно рассмеялась.

- Ты чего? – И сняв с руки перчатку, погладила пса.

Мальчишка лет двенадцати бежал ко мне, смешно увязая ногами в сугробах, наметенных за ночь.

- Фу! Джим!

Пес кружился вокруг меня, припадая на лапы.

– Извините! – солидным голосом сказал мальчишка, оттаскивая пса. – Что-то с ним случилось. Наверное, снег. Ошалел от снега.

- Бывает, – улыбнулась я. – Красивый пес. Зимы не видел?

– Это его вторая зима. Он был еще маленьким в том году, совсем щенком, и ничего не запомнил.

- Откуда ты знаешь? Может, наоборот, запомнил, вот и радуется снегу.

- А у вас есть собака?

- Нет. Хотела завести, но потом передумала.

- Почему?

Я пристально посмотрела на мальчишку, стоявшего передо мной. Мальчишка как мальчишка. Ничего особенного: вязаная шапочка, надвинутая почти на глаза, черная куртка, неумело зашитая на груди, вокруг этой заплатки по ободку белый ободок синтепона, линялые джинсы и россыпь веснушек на носу, такого же темно-рыжего, как шерсть у сеттера, цвета. Я не могла объяснить этому мальчишке, что моя работа с частыми командировками не позволяет мне завести собаку, за которой надо ухаживать, кормить и регулярно выгуливать. Я была по натуре волком-одиночкой. И собаке не было места в моей жизни.

- Так получилось. Как тебя зовут?

- Василий. Джим! Пошли!

Я посмотрела на здание, куда мне вход был запрещен.

- Слушай, а что это за заведение? – и я взмахнула рукой в сторону «Эдема».

– ...Это? – Мальчишка опустил на корточки, пристегивая к ошейнику поводок. – ... Здесь свингеры тусуются. – Мальчишка выговорил эти слова без запинки, и мои брови взлетели вверх.

- Это клуб свингеров? – переспросила я.

– Да. Это которые приходят парами и обмениваются друг с другом, – пояснил он без всякого смущения. – Бабушка на них письма в управу пишет, а толку никакого нет. Напиваются там, безобразничают, так бабушка говорит. Я и сам недавно одну девушку видел. Так напилась,

что ее под руки двое мужчин вели. Как неживая была. Мы с Джимом тогда поздно вечером гуляли. Бабушке плохо было; я пока в аптеку сбежал, ужин разогрел и с Джимом вовремя погулять не успел.

– Во сколько это было?

– Часов в одиннадцать. Или позже.

Я задумалась.

Мальчишка пошел по дорожке.

– Джим! – сердито крикнул он. – Ко мне!

Собака задрала морду, посмотрела на меня и потрусил за хозяином. Я подумала, что если когда-нибудь заведу себе собаку, то именно такую – радостно-сумасшедшего сеттера.

Всю дорогу я думала о Динке. Похоже, Мишка выкинул такой кульбит, что никому мало не покажется. И еще этот клуб «Эдем». Похоже, он ходил туда с Ермолаевой. Я вспомнила, как Динка сказала, что один раз случайно подслушала Мишкин разговор: он с кем-то ворковал и упоминал «Эдем». За что убили Ермолаеву? И куда пропал Мишка?

Я резко затормозила, чуть не прозевав зеленый свет, и поймала сбоку недовольный взгляд кавказца лет сорока. «Чего выпендриваешься, женщина! – говорил его взгляд. – Знай свое место».

Мне стало смешно, и я ему подмигнула. На лице кавказца выразилась целая гамма чувств: от обиды до негодования. Казалось, сейчас выскочит из машины и вручную расправится со мной.

Когда я уже подруливала к дому, позвонила Динка.

– Привет!

– Привет! Понимаешь, мне совсем хреново. Я все Мишке названиваю, но «абонент временно недоступен». Я уже совсем отчаялась.

– Понимаю. Но ты держись.

– Легко сказать!

– А что тебе еще остается. Ребятишки где?

– Во дворе гуляют. Где же им еще быть? Только подумать: все праздники коту под хвост. Такие планы были... В парк сходить погулять, в театр, в музей динозавров.

– Есть такой? – удивилась я.

– Ну этот... как его, естественно-научной истории, что ли.

Динка замолчала, а потом выпалила:

– Я уже не верю, что Мишка живой.

– А вот это ты зря. Брось накручивать себя. Лучше займись чем-нибудь полезным.

– Это чем же?

– Ну, хотя бы вязанием. Когда-то ты хорошо вязала.

– Да... хорошо, – в голосе Динки назревал надрыв.

– Прекрати! – как можно строже сказала я. – Подумай о детях.

Но Динка уже повесила трубку. Перезванивать ей я не стала. Вместо этого набрала телефон Ромки Белякова, оперативника, с которым когда-то свела меня судьба на бескрайних дорогах нашей родины. У меня заглох «Пежо», моя первая машина, и я не знала, что делать – в час ночи со сломанной тачкой. Я встала на дороге и начала сигналить. Все как назло проезжали мимо, даже не делая попытки остановиться. Один притормозил, сделал двусмысленное предложение, а в ответ на мою тираду: «Пошел, козел, на х...» – выразился примерно так: «Ну и разбирайся сама со своей гребаной тачкой». Рома подрулил неожиданно, когда моя надежда почти умерла, и я кляла всех на свете. Высокий красивый Ромка вышел из машины и вежливо поинтересовался, в чем дело. Я объяснила. Он поковырялся в «Пежо», и через десять минут заглохший двигатель заурчал. Я поблагодарила его и протянула свою визитку. Он в ответ – свою. С изумлением я узнала, что мой спаситель работает в милиции. «Таких знакомых у меня

еще не было», – со смехом сказала я. «Теперь будут», – ответил он на полном серьезе. И действительно, Роман стал моим хорошим приятелем. Встречались мы не так уж часто: примерно раз в два месяца, но посиделки устраивали душевные: в одном из московских кафе – с обильной трапезой и несметным количеством выпитого пива. При этом Роман жаловался мне на свою жизнь: маленькую зарплату и злую мымру-тещу. Я – на свою: отсутствие подходящего кандидата на роль мужа и полное одиночество. Даже с Динкой я не могла быть такой откровенной; перед ней мне нужно было держать марку сильной успешной женщины. А вот перед Ромкой... Мы были ровесниками, и он был мне как брат. Однажды я даже в шутку сказала, что из нас получилась бы неплохая пара, и тут же пожалела о своих словах. По лицу моего приятеля пробежала тень: он обожал свою жену Оленьку и двух детей-погодков – сорванца Саньку и Марию Романовну. Я сразу обратила свои слова в шутку и пообещала самой себе больше так не шутить. Терять Ромку мне не хотелось. Если бы Беляков находился в Москве в новогоднюю ночь, а не в Турции, ни за что бы я не попала в такой переплет в отделении милиции: Ромка бы обязательно меня выручил. Я не сомневалась в этом.

И вот сейчас я звонила ему в надежде, что он уже в Москве. Роман подошел к телефону; на заднем плане возник гул и чьи-то голоса.

– На работе? – с ехидцей спросила я.

– Угадала.

– Ром! Мне надо с тобой встретиться. Срочно.

– А когда я отказывался? Да и с Новым годом тебя надо поздравить.

– Спасибо. Как провели праздники?

– Отдыхать не работать. Ладно, Рит. У меня сейчас совещание будет. Говори, когда и во сколько.

– Сегодня после работы. В нашем кафе.

– Если бы я знал, когда оно закончится. Ладно, освобожусь – позвоню. Идет?

– Договорились.

После разговора с Ромкой мне стало немного легче.

В нашем любимом кафе «У Саньча» яблоку было негде упасть.

– Черт! – почесал затылок Роман. – Даже не знал, что здесь будет такое столпотворение.

Наше кафе набирает обороты популярности. Даже сесть негде.

– Слушай, ты покури на улице, а я попробую проблему разрешить.

– Будешь палить в воздух с криком: «Разойдитесь, гады»? Тогда я должен тебя первым доставить в отделение в наручниках.

– Будь спокоен, дорогой товарищ. У нас свои методы работы, не такие варварские. Работаем тонко, мирно. Комар носа не подточит.

– Уговорила. Я выйду покурить, но только без криминала.

– Иди, иди! – махнула я рукой.

– А остаться и посмотреть на твою работу нельзя?

– Конечно, нет, а то подсмотришь мое ноу-хау.

Беляков вышел, а я пристально осмотрела зал. Кафе напоминало нечто среднее между кавказской харчевней и русской избой. В углу стояла декоративная бочка пива. А над барной стойкой высились олени рога.

Публика здесь собиралась соответствующая – не обремененная работой на износ и большими зарплатами. Маргинальные личности и люди без определенных занятий. Мой взгляд зацепился за одного мужика непрезентабельной внешности, распивающего кружку янтарно-густого пива в полном одиночестве. Я подошла ближе и предложила ему за пятьсот рублей покинуть заведение. Он поднял на меня большие глаза, задумался и назвал другую сумму – тысячу. Мы сторговались на семистах. Он залпом допил пиво и, взяв деньги, ушел, что-то бормоча про себя.

Беляков появился на пороге через пару минут после того, как я уселась за стол, с наслаждением вытянув ноги.

– Трупа поблизости нигде нет? – подозрительно спросил он, усаживаясь напротив.

– Представь себе, нет.

– А что ты сделала с товарищем, сидевшим за этим столом?

– Отправила погулять. И он с радостью согласился.

– Чудеса! – повертел головой Беляков. – Тебя бы к нам в отделение с несговорчивыми товарищами беседовать.

– Мы будем мои достоинства обсуждать или еду заказывать? Я хочу салат и кофе.

– Ну а я традиционного пивка и селедочки под шубой. Не возражаешь?

Я развела руками:

– Слово мужчины – закон.

Между первой и второй кружками пива я рассказала Белякову о своей проблеме. В моем изложении она выглядела как поиски сбежавшего мужа от опостылевшей жены. Если бы не труп Ермолаевой, мой рассказ тянул бы на обычную сказку с плохим концом. По мере моего рассказа Беляков все больше и больше мрачнел и под конец стукнул кулаком по столу.

– Рит! Ну я тебя не понимаю! Взрослая, умная баба, а полезла черт-те куда. Да еще сбежала из квартиры, где был труп.

– А что я, по-твоему, должна была оставаться там?

– Ладно, – помрачнел Беляков. – Замнем тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.